

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'36 + 81'42

Е.А. Баженова, Е.Е. Дымонт

СЮЖЕТНО-СОБЫТИЙНЫЕ ФУНКЦИИ ПЕРФЕКТНЫХ ГЛАГОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассмотрены функции словоформ с перфектным значением в сюжетной организации художественного текста – выражение регресса, прогресса и остановки повествования. Установлено, что реализация текстовых функций осуществляется в рамках перфектной ситуации, ядром которой является перфектный глагол; периферию образуют разноуровневые контекстные актуализаторы перфектного значения. Показано, что выполнение сюжетно-событийных функций обусловлено позицией перфекта в сложном синтаксическом целом, взаимодействием с другими предикатами, синтаксическими условиями и семантикой глагола.

Ключевые слова: лингвистика текста; функциональная грамматика; перфект; перфектность; функции перфектных глаголов; сюжет; регресс повествования; прогресс повествования; остановка повествования.

Постановка проблемы

Роль грамматических форм в сюжетной организации художественного произведения неоднократно отмечалась в лингвистической литературе. Так, К.А. Долинин, поддержав идеи В.Г. Адмони [1], указал на параллелизм между строением текста и строением предложения. По мнению К.А. Долинина, параллелизм проявляется, во-первых, в соотносительности фабульной структуры произведения и структурной схемы предложения (в обеих структурах есть субъект, объекты, предикат, обстоятельство, признаки); во-вторых, в соотносительности фабулы с коммуникативной перспективой предложения (завязка – тема, развязка – рема, состояние неопределенности – имплицитный вопрос) [2]. Ю.С. Маслов описал повествовательные функции аориста и имперфекта, подчеркнув, что посредством аориста повествование продвигается, а посредством имперфекта останавливается [3. С. 217–248].

Развивая эти идеи, считаем целесообразным поставить вопрос о текстовых функциях словоформ с перфектным¹ значением в плане их участия в сюжетно-событийном развертывании художественного произведения. С нашей точки зрения, сюжетобразующая способность перфекта обусловлена синкретичной природой перфектного значения, в котором целостно представлены доперфектное состояние, действие и послеперфектное состояние. С учетом особенностей грамматической семантики перфектные глаголы способны маркировать развитие сюжета посредством экспликации перехода от состояния к событию или, наоборот, от события к новому состоянию.

Мы исходим из того, что перфект выполняет текстовые функции в составе целостной перфектной ситуации, репрезентированной функционально-семантическим полем. Ядерными компонентами поля являются глагольные словоформы с перфектным значением: страдательные причастия прошедшего времени в сочетании с глаголом-связкой *быть* (например, *был приготовлен*); глаголы, в которых лексическая перфектность совмещается с морфологическими признаками совершенного вида (СВ) и прошедшего времени (например, *остался, узнал, понял*); некоторые глаголы

несовершенного вида (НСВ) с ярко выраженной результирующей семантикой (например, *видел, слышал*); глаголы, образованные по словообразовательным моделям, специализированным на выражении перфектного значения (например, *побелел, постарел*). Периферию функционально-семантического поля образуют разноуровневые языковые средства, заполняющие семантическую валентность перфектного глагола и актуализирующие перфектность в конкретном контексте.

Результаты контекстуально-семантического анализа перфектных ситуаций

Анализ художественных текстов современных российских писателей показал, что сюжетобразующая функция перфекта проявляется в выражении временной многоплановости произведения и установлении связи между событиями. Полученные результаты представлены в таблице.

Как показано в таблице, сюжетно-событийные функции словоформ с перфектным значением конкретизируются в выражении **регресса повествования, прогресса повествования с остановкой**, а также **остановки повествования**. Последовательно рассмотрим выявленные функции, начиная с наиболее характерной для перфекта функции маркирования регрессивной направленности повествования.

Перфектные ситуации, выполняющие функцию регресса повествования. Вслед за Ю.С. Масловым под регрессом повествования мы понимаем возврат фокуса повествования к более раннему этапу сюжетной линии [3. С. 222–223]. Для реализации этой функции должна быть дополнительная точка отсчета – ситуация, по отношению к которой выражено значение предшествования в прошлом или настоящем. Такой точкой отсчета является перфектная ситуация. Если повествование относится к прошедшему времени, функция регресса выражается словоформами с плюсквамперфектным² значением; если повествование относится к настоящему времени – словоформами с акциональным³ либо экспериенциальным⁴ перфектным значением.

Сюжетно-событийные функции словоформ с перфектным значением в художественном тексте

Функция	Семантические разновидности перфекта	Средства выражения перфектности	Контекстные актуализаторы перфектного значения
Регресс повествования (отсылка к прошлому)	1. Плюсquamперфект. 2. Акциональный. 3. Экспериментальный	1. Глаголы СВ. 2. Глаголы НСВ с результативно-фактическим значением. 3. Краткие страдательные причастия в прошедшем времени. 4. Деепричастия СВ. 5. Конструкция <i>успел</i> + инфинитив	Разноуровневые единицы, выражающие: – временные и таксисные отношения; – причинно-следственные отношения; – делиберативные отношения
Прогресс повествования с остановкой (изменение ситуации во внешней среде с фиксацией последующего состояния)	Статально-акциональный	1. Глаголы СВ со значением перемещения в пространстве и перехода в состояние. 2. Фазовые глаголы СВ. 3. Слова категории состояния со связкой <i>стало</i>	1. Временные и аспектуальные обстоятельства. 2. Сопряженность в одном контексте разноплановых единиц: – глаголов СВ с аористическим значением; – деепричастий СВ с аористическим значением; – глаголов СВ и НСВ со статальным значением. 3. Дейктические средства
Прогресс повествования с остановкой (изменение ситуации во внутреннем мире персонажа с фиксацией последующего состояния)		1. Глаголы ментальной деятельности. 2. Слова категории состояния (с семантической восприятости) со связкой <i>стало</i>	
Остановка повествования (фиксация текущей ситуации)	Статальный	1. Краткие страдательные причастия. 2. Глаголы СВ	1. Временные и аспектуальные обстоятельства. 2. Глаголы в настоящем времени. 3. Именная часть сказуемого. 4. Номинативные предложения

В связи с тем что в художественном тексте повествование обычно связано с планом прошедшего времени, основными средствами реализации регресса повествования выступают словоформы с плюсквамперфектным значением: 1) страдательные причастия со связкой (*была приобретена*); 2) глагол СВ в прошедшем времени (*надоело, забыл*); 3) глагол восприятия НСВ в прошедшем времени (*видел, слышал*); 4) деепричастие СВ (*не выполнив*); 5) конструкция «успел + инфинитив» (*успела забыться*).

Поскольку плюсквамперфектное значение не может быть выражено лишь на лексико-грамматическом уровне, важным условием маркирования регресса повествования является использование таксисных показателей предшествования – синтаксических конструкций и отдельных словоформ, выражающих: 1) временные отношения (различные синтаксические конструкции с временными / таксисными отношениями и лексические показатели); 2) причинно-следственные отношения (различные конструкции союзного и бессоюзного типа, выражающие причинные и другие логические пропозиции); 3) делиберативные⁵ отношения (подчинительные конструкции изъяснительно-объектного и определительного типа, а также бессоюзные конструкции с делиберативной семантикой).

Нельзя не согласиться с Ю.С. Масловым в том, что регресс повествования получает реализацию в текстовых фрагментах разного объема, см.: «Регресс может быть неглубоким (возвращение к непосредственно предшествующему) или, напротив, глубоким (возвращение к более отдаленным событиям); он может содержать сообщение об одном отдельном событии или <...> о ряде событий. Иногда регресс может быть настолько обширным, что приходится констатировать переключение действия в другой повествовательный план, лежащий хронологически позади исходного...» [3. С. 223]. В данной статье предметом анализа являются грамматические разновидности перфектных ситуаций, выражающих развитие сюжета в пределах сложного синтаксического целого (ССЦ).

1. Перфектные ситуации, маркирующие регресс повествования в конструкциях с временными/таксисными отношениями. Как отмечалось выше, основанием для репрезентации регрессивной направленности содержания служит способность перфекта выражать связь между событиями разных временных планов. Маркером регресса обычно становится словоформа с плюсквамперфектным значением, которая, как правило, сопряжена с другими показателями разновременности событий: полипредикативными конструкциями с таксисной семантикой, обстоятельствами времени и другими видо-временными формами, выполняющими роль точек отсчета. Типичным средством выражения регресса повествования является сложноподчиненное предложение (СПП) с придаточным времени, которое вводится союзами *после того как, до того как, когда* и др. Вместе с тем следует отметить, что при использовании союза *когда* необходимы дополнительные конкретизаторы таксиса (временные и аспектуальные обстоятельства и (или) лексическое значение глагола).

Рассмотрим пример: *Будильник был куплен в седьмом классе гимназии, когда выяснилось, что времени не хватает. Единственным запасом, откуда его можно было брать, стал сон. Раз и навсегда он поставил будильник на семь и стал ложиться все позже и позже...*⁶ (Д. Гранин. Зубр). В данном микротексте регрессивная направленность изложения выражается посредством взаимодействия ряда факторов: употребления перфектного глагола СВ *выяснилось* в придаточном предложении со значением предшествования (*когда выяснилось, что времени не хватает...*); плюсквамперфектного значения этого глагола, отсылающего к более раннему событию по отношению к ситуации *будильник был куплен*; лексической и видо-временной семантики глагола *выяснилось*, благодаря которой конкретизируется таксисное значение предшествования.

В качестве конкретизаторов таксисного значения обычно используются временные и аспектуальные обстоятельства, употребленные в СПП с союзом *ко-*

гда, например: *Впрочем, по прошествии некоторого времени, когда уже выяснились и Сонина незаменимость на кухне в предпраздничной суете, и швейные достоинства <...> кристалл Сониной глупости за-
сверкал иными гранями, восхитительными в своей непредсказуемости...* (Т. Толстая. Соня).

Глагол в плюсквамперфектном значении может употребляться в придаточном времени не только с союзом *когда*, но и с союзами типа *после того как*, *до того как*, например: *Это был <...> ее троюродный или четверюродный дядя. В доме о нем почти не говорили, но после того, как она поступила в институт, его имя там ей приходилось слышать почти каждый день.* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

В ряде случаев регресс повествования актуализируется посредством особой «перфектной» конструкции «*успел + инфинитив*», например: *Все трое засмеялись и смеялись очень долго, даже тогда, когда причина смеха успела забыться* (В. Пелевин. Generation P).

В простом осложненном предложении для репрезентации регресса используются деепричастия СВ как типичное в русском языке средство выражения разновременности действий и событий. Например: *Бывают дни, когда воедино стекается все хорошее. А бывает – наоборот: удары судьбы подкрадываются, как волки, с разных сторон и нападают одновременно. Ирина уходила, как обычно, отработав свои пять часов, на террасе ее остановила Света* (В. Токарева. Своя правда).

Регресс, отсылающий к событиям более раннего времени, может проявляться и без грамматических показателей такиса, т.е. в простом неосложненном предложении. В таком случае разновременность выражается значением глагола и контекстными средствами, прежде всего обстоятельствами времени. Так, наречие *никогда* при отрицательных глаголах восприятия НСВ (*не видел*, *не слышал*) может актуализировать особую «ментальную» разновидность регресса, например: *Цари тоже были смешны: про них даже не было толком известно, люди они или ошибка переписчика глиняных табличек, и след от них остался только на этих самых табличках. Татарский, во всяком случае, никогда про них не слышал* (В. Пелевин. Generation P). В этом фрагменте регресс повествования реализуется в простом предложении с предикатом, выраженным перфектным глаголом НСВ (*не слышал*). Хотя связь с более поздней ситуацией, описанной в предшествующем предложении, имплицитруется, на эту связь указывают дейктические единицы – местоимение (*про них*) и вводно-модальная конструкция *во всяком случае*.

Судя по нашему материалу, основной конструкцией, выражающей регрессивную направленность повествования, являются СПП с придаточным временем, в которых употреблен глагол СВ в плюсквамперфектном значении.

2. Перфектные ситуации, выполняющие функцию регресса повествования в конструкциях с причинно-следственными отношениями. В природе перфектного значения заложена связь не только между более поздним и более ранним временем, но и

между действием-причиной и состоянием-следствием, поэтому функция регресса повествования может выражаться конструкциями с причинно-следственной семантикой. Типичным примером такой конструкции являются СПП, в которых глагол в плюсквамперфектном значении находится в придаточной причине и выражает регресс по отношению к ситуации, названной в главной части, например: *Я и сам у метро торговал. А в рекламный бизнес ушел, потому что надоело...* (В. Пелевин. Generation P). Как видим, для выражения регресса здесь используется СПП, в главной части которого содержится указание на ситуацию-следствие более позднего времени (*ушел*), а в придаточной части – указание на ситуацию-причину, имевшую место в более раннее время, на что указывает плюсквамперфект *надоело*. Причинно-следственные отношения эксплицируются союзом *потому что*, таксисные отношения предшествования подразумеваются в составе причинно-следственной связи.

Глаголы в плюсквамперфектном значении, выполняющие функцию регресса, могут также употребляться в бессоюзных сложных предложениях (БСП) с причинно-следственными отношениями. Приведем примеры: *Больше он не писал стихов: с гибелью советской власти они потеряли смысл и ценность* (В. Пелевин. Generation P); *Азадовский пожал ему руку не глядя – он явно был не в духе. Татарский знал, в чем дело, – Морковин объяснил еще вчера* (В. Пелевин. Generation P); *Подхватил и Алеша, вместе со всеми. Мог бы, конечно, не знать тех слов и мелодию: слышал много раз в детстве, а после, казалось, не слышал и давно позабыл* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней).

В этих фрагментах регресс повествования реализуется посредством семантического комплекса в составе глаголов состояния в имперфектном значении в первой части БСП (*не писал*, *знал*, *мог бы не знать*) и глаголов в плюсквамперфектном значении во второй части (*Морковин объяснил*; *они потеряли смысл и ценность*; *слышал – давно не слышал – позабыл*). Как видим, для обоснования состояния повествователь возвращается в более раннее время – к событиям, послужившим причиной данного состояния. При этом причинные отношения дополняются временными (см. обстоятельства времени *еще вчера*, *давно*), так как синкретичное по своей природе перфектное значение репрезентирует одновременно и временные, и логические связи.

Каузативное значение может выражаться деепричастным оборотом, например: *Прабабка отличалась исключительной независимостью, жила одна – полуслепая, отказываясь от помощи даже после того, как осушила бутылку чернил, приняв их за вино...* (Э. Лимонов. У нас была великая эпоха). Здесь деепричастие с перфектным значением *приняв* указывает на регресс по отношению к ситуации, названной глаголом *осушила*, и этот регресс основан не столько на временных отношениях (приняла за вино, а потом осушила), сколько на причинно-следственных (приняла за вино и поэтому осушила).

В отдельных случаях регресс повествования может быть выражен конструкциями с семантикой следствия, а не причины. При этом словоформа, обознача-

чающая более раннюю ситуацию-причину, употребляется в первой части БСП, например: *Всё тому не нравится – то груз на плечах слишком тяжелый, то идут слишком быстро. Отстающих на войне Гусаков видел немало – в общем, их хитрости были ему известны* (В. Быков. Болото). В этом микротексте глагол восприятия НСВ *видел* с перфектным (экспериментальным) значением отсылает читателя к опыту персонажа как основанию его ментального состояния *были ему известны*.

Кроме того, регресс повествования на основе причинно-следственных отношений передается синтаксическими конструкциями с семантикой уступки. Например: *Костя любил читать о море, хотя никогда не видел его. Болото он ненавидел, ягод не собирал...* (В. Быков. Болото). В таких конструкциях обычно используется отрицательный глагол восприятия НСВ в экспериментально-перфектном значении. Близкую функцию выполняют конструкции с придаточными сравнения, которые выражают логическую пропозицию, подразумевающую связь между двумя ситуациями, например: *Очередь Татарского подошла не скоро – он был последним. Полутемный зал, где ждал Азадовский, был огромно-шикарным, но несколько архаичным, словно его оборудовали и обставили еще в тридцатые или сороковые годы* (В. Пелевин. Generation P). Как видим, придаточное сравнения *словно его оборудовали и обставили еще в тридцатые или сороковые годы* вводится для обоснования качества объекта *зал... был несколько архаичным*. На предшествование одной из ситуаций дополнительно указывает обстоятельство времени *еще в тридцатые или сороковые годы*, конкретизирующее временную дистанцию между состоянием объекта и предполагаемой причиной этого состояния.

Обобщая рассмотрение регрессивных ситуаций, основанных на причинно-следственных отношениях, отметим, что обычно в них употребляются глаголы восприятия; из синтаксических конструкций преобладают СПП с придаточными причины и БСП с аналогичной семантикой. В тех случаях, когда каузальная пропозиция репрезентируется самой конструкцией, обстоятельства и другие лексические показатели регресса повествования эксплицируют таксисные отношения разновременности.

3. Перфектные ситуации, выражающие регресс повествования в конструкциях с делиберативными отношениями. Основой для реализации регресса повествования могут стать делиберативные отношения, в семантике которых содержится таксисный компонент, поскольку ситуация, выражающая содержание ментального процесса, как правило, описывается раньше самого этого процесса. Типичной конструкцией с делиберативной семантикой является СПП с придаточным изъяснительным, в главной части которого употреблен глагол речи (*сказал*), память (*вспомнил*) или ментального состояния (*выяснилось*), в придаточной же части может быть любой перфектный глагол. Приведем примеры: *Татарский, наконец, вспомнил, где он видел этого старика...* (В. Пелевин. Generation P); *Папа сказал, что он видел еще один фильм с Одри – «Завтрак у Тиффани». Потом по-*

смотрел на меня и добавил, чтобы я не забивал себе голову ерундой... (А. Геласимов. Нежный возраст); *Когда стали подводить итоги опыта работы со мной, выяснилось, что меня довели до уровня кандидата в медалисты* (Ф. Искандер. Начало).

Из примеров следует, что функцию указания на регресс повествования обычно выполняет глагол восприятия в перфектном значении (*видел* в первом и втором примерах), находящийся в изъяснительном придаточном, но могут выполнять глаголы и других лексико-семантических групп (ЛСГ). Глагол, от которого зависит придаточное предложение, также, как правило, имеет ментальную семантику (*вспомнил, выяснилось*) или семантику речи (*сказал*), что обусловлено самим типом синтаксической конструкции. Эта разновидность регресса характеризуется тем, что более ранняя ситуация является объектом ментального процесса.

Ментальный предикат в главной части предложения, от которого зависит придаточное, выражающее регресс, может быть представлен словоформой со стательным⁷ значением (*было ясно*), как в следующем фрагменте: *Осеннее шоссе было пустынным и печальным. Особенно грустно делалось оттого, что деревья по его бокам были еще зелеными и выглядели вполне по-летнему, но было ясно, что лето кончилось, так и не выполнив ни одного обещания* (В. Пелевин. Generation P). Здесь обе ситуации, предшествующие текущему состоянию (*лето кончилось; так и не выполнив обещания*), находятся в позиции делиберативного объекта при предикате ментального состояния *было ясно*. Объект соотносится с выводом персонажа, сделанным на основе наблюдений и умозаключений. Приведенный микротекст интересен еще и тем, что в нем наблюдается двухступенчатый регресс: ситуация *лето кончилось* завершилась к моменту рефлексии говорящего над ней (*было ясно*) – это первая ступень регресса. Вторую ступень эксплицирует деепричастный оборот *так и не выполнив ни одного обещания*, в котором отглагольное существительное *обещание* и деепричастие с таксисным значением предшествования (*не выполнив*) восстанавливают еще более раннее положение дел: лето что-то обещало и не выполнило до того, как закончилось. Как видим, текущее состояние сопоставляется не только с более ранним состоянием, но и с тем, какое должно было быть. Иначе говоря, сопоставление осуществляется по двум параметрам: 1) более раннее состояние сопоставляется с более поздним; 2) ожидаемое – с действительным.

Для выражения регрессивной направленности содержания могут использоваться и другие типы сложных предложений с делиберативными отношениями. Например, в случае использования присоединительных придаточных движение мысли субъекта речи направлено от результата, выраженного глаголом в плюсквамперфекте, к самому ментальному процессу, с помощью которого говорящий приходит к осознанию этого результата. Вот как это выглядит в тексте: *Один проект завернули, что было ясно по лицу выходящего из зала высокого усатого мужчины с ранней сединой...* (В. Пелевин. Generation P). Здесь глагол в

перфектном значении *завернули* выражает ситуацию, предшествующую текущей ситуации и являющуюся ее причиной (выражение лица мужчины было таким, потому что *проект завернули*). Именно причина акцентируется повествователем как более важная, чем следствие, выраженное конструкцией с имперфектно-статальным значением *было ясно*.

Судя по нашему материалу, помимо СПП с изъяснительными и присоединительными придаточными, делиберативная семантика выражается синкретичными конструкциями с местоименно-соотносительными отношениями. Например: *Довольно малоизвестный розовый вариант портрета инфанты. Здесь вы видите нотариальную справку, выданную фирмой «Оппенхайм энд Радлер», о том, что картина действительно была приобретена за семнадцать миллионов долларов в частном собрании (В. Пелевин. Generation P); Да нет, глупости, – промелькнуло в мыслях, – что же плохого в том, что родители дали мне хорошее образование и обеспечили всем необходимым для жизни...* (Л. Улицкая. Бронька). В этих примерах регресс повествования выражен семантическим комплексом, включающим словоформы с плюсквамперфектным значением (*была приобретена; дали, обеспечили*), которые употреблены в местоименно-определяющих СПП с делиберативной семантикой. В первом примере заполняется валентность существительного *справка*, лексическое значение которого подразумевает некое содержание, раскрываемое в придаточной части. Во втором примере использована конструкция с оценочной семантикой *чего же плохого в том, что...*, требующая конкретизации в придаточной части. Как видим, в обоих примерах выражается делиберативное значение, несмотря на местоименно-соотносительную форму синтаксической конструкции.

К особым случаям реализации регресса повествования можно отнести развернутые фрагменты текста, в которых воспоминания персонажа представлены в больших повествовательных фрагментах. Хотя в подобных контекстах события развиваются «пошагово вперед», повествователь тем не менее сосредоточен на событиях прошлого, и этот взгляд из плана настоящего в план прошедшего получает языковое выражение. В результате формируется смешанный тип контекста, в котором одновременно употребляются показатели регресса и показатели прогресса (прогресс внутри регресса). Например: *Записки эти лежали в семейном архиве Тимофеевых, хранящемся у Ляпуновых. Из них следует, что Тимофеевы продолжали помогать заключенным и после того, как Фому перевели в Маутхаузен, передавали продукты в тюрьму, пользуясь налаженной связью. Выдал Фому человек, который жил у Тимофеевых в доме, и об этом Фому уведомили тотчас* (Д. Гранин. Зубр).

В подобных случаях функции каждой словоформы необходимо рассматривать в макро- и в микроконтексте. В макроконтексте данный фрагмент представляет собой воспоминания персонажа, поэтому все перфектные глаголы выполняют функцию регресса. В микроконтексте эпизода каждый из перфектных

глаголов может рассматриваться как выражающий прогрессивную направленность сюжетной линии.

Таким образом, регресс повествования при участии словоформ с перфектным/плюсквамперфектным значением реализуется в синтаксических конструкциях с временными, причинно-следственными или делиберативными отношениями. При этом наблюдается семантический синкретизм, так как в любой из названных конструкций подразумеваются временные (таксисные) отношения, но с разной степенью конкретизации и эксплицитности. Самой распространенной синтаксической конструкцией, посредством которой репрезентируется регрессивная направленность изложения, является СПП с придаточным времени. В конкретном микротексте большую роль играют актуализаторы регресса, например аспектуальные наречия *уже* и *еще*, которые выражают сопоставление двух ситуаций по времени и поэтому могут конкретизировать таксисные отношения, передаваемые неоднозначной синтаксической конструкцией.

Подчеркнем, что перфектная ситуация, имея сложную семантическую структуру, выражает разные типы взаимосвязей: между временными планами, между событием-причиной и состоянием-следствием, между ментальным действием и его объектом. В результате разные «ипостаси» перфектного значения становятся основой для разных типов регрессивных ситуаций, поэтому в одном контексте, содержащем глагол в перфектном значении, могут быть выражены одновременно как логические, так и хронологические связи между событиями.

Перфектные ситуации, выполняющие синкретичную функцию прогресса повествования с его остановкой. По мнению Ю.С. Маслова [3] и В.Б. Кашкина [4], перфектное значение включает в себя статальный и акциональный компоненты, выраженность которых зависит от средств контекста, поскольку «перфект – это всегда двухплановое грамматическое значение» [3. С. 426]. В отличие от имперфекта и аориста, специализирующихся на продвижении повествования (имперфект) и его остановке (аорист), словоформы с перфектным значением способны совмещать эти функции благодаря совершенному виду, который обозначает возникновение новой ситуации [5. С. 138–167], см. также: [6].

В ближайшем окружении глагола СВ могут употребляться как показатели, поддерживающие наступление новой ситуации, так и показатели статальности, фиксации ситуации на новом этапе. Разноуровневые показатели обычно находятся в пределах одного ССЦ, в котором употреблена словоформа с перфектным значением, или в соседних ССЦ, если высказывание с перфектом находится на их границе. В качестве синтаксических средств, поддерживающих значение продвижения повествования, обычно используются однородные сказуемые, конструкции сочинительного типа, выражающие временные пропозиции, цепочки глаголов в значении аориста, лексические средства выражения одновременности (наречия *сначала, потом* и др., прилагательные *первый, следующий, последний* и др.).

Проведенный анализ показал, что функция прогресса повествования конкретизируется, во-первых, в

продвижении повествования с остановкой во **внешней** сфере; во-вторых, в продвижении повествования с остановкой во **внутренней (ментальной)** сфере, или квазипрогресс. Рассмотрим каждую из этих разновидностей.

1. Перфектные ситуации, выполняющие функцию прогресса повествования с остановкой во внешней среде, как правило, содержат показатели последовательности действий (наречия *сначала, потом, наконец* и др.) и ряды глагольных форм со значением аориста. Из синтаксических конструкций используются такие, которые выражают таксисное значение последовательности, в частности предложения с однородными сказуемыми, ССП и БСП, выражающие временную пропозицию последовательности. Например: *Телефон завонил опять. Азадовский взял трубку, послушал немного, и его лицо расцвело широкой улыбкой: «Вот это я хотел услышать. Хвалю» (В. Пелевин. Generation P).*

Продвижение повествования с остановкой во внешней среде обычно маркируется фазовыми глаголами (*начался, закончился, исчез, перестал* и др.), а также глаголами со значением местоположения / движения (*замер, застыл, ушел* и др.). Реже используются глаголы перехода в состояние (*побледнел, обрадовался* и др.) и безличные конструкции со значением восприятия (*стал заметен, стало видно* и др.).

Перфектный глагол, выполняющий эту функцию, обычно находится **внутри ССЦ** или на **границе двух ССЦ**. При этом в левом контексте содержится глагол (или несколько глаголов) в значении аориста, актуализирующий продвижение повествования, а в правом контексте – словоформы со значением состояния, актуализирующие задержку повествования. Например: *Было ясно, что произошло что-то нехорошее. Сэм побледнел и побежал вперед. Растолкав зрителей, он протиснулся вперед и замер. Со стола свисал, покачиваясь под ветром, узкий желтый лист липучки. К нему пристало несколько мелких листьев и бумажек, а в самом его центре, бессильно склонив голову, висела Наташа (В. Пелевин. Жизнь насекомых).*

В этом фрагменте перфектный глагол *замер* употреблен в одном ряду с глагольными формами в значении аориста *протиснулся, растолкав*, поэтому действие, выраженное перфектом, воспринимается как новое звено в одной цепочке событий, причем более важное, чем события, названные глаголами в аористе. Остановка повествования выражается как лексическим значением глагола *замер*, так и последующим описанием статальной ситуации, репрезентированной имперфектными глаголами *висела, свисал* и статальным перфектом *пристало*. Декодируя план выражения, читатель как бы наблюдает статичный «кадр», раскрывающий причину «замирания» персонажа. В подтексте же «прочитывается» скрытый смысл эпизода: персонаж замер, потому что увидел следующее... Как видим, перфектный глагол, даже употребленный в одном ряду с неперфектными формами, фокусирует внимание читателя на ментальной сфере персонажа.

Как отмечалось ранее, ядром перфектной ситуации обычно является глагол СВ в перфектном значении. Однако иногда ядерную позицию занимает конструк-

ция с причастием, например: *Почему-то он решил, что это шумят ивы, и вспомнил строчку из слышанной по радио песни: «Это сестры печали, живущие в ивах». И сразу же в тихом шелесте деревьев стали различимы обрывки женских голосов, которые казались эхом каких-то давным-давно сказанных ему слов, заблудившихся в тупиках памяти (В. Пелевин. Generation P).* Отметим, что здесь в выражении прогресса важную роль играет аспектуальное наречие *сразу же*, так как причастие в силу своей статальной семантики специализируется на выполнении функции остановки повествования. Как видим, если перфектные глаголы являются самодостаточными для продвижения повествования, то причастия способны выполнять эту сюжетную функцию лишь при условии дополнительных «усилий» контекста.

Перфектный глагол может находиться **в постпозиции к ССЦ**. В этом случае он выполняет синкретичную функцию, одновременно продвигая повествование и фиксируя его остановку, в то время как «раскрытие» статального компонента осуществляется в следующем ССЦ. Приведем пример, в котором фраза *Конец наступил неожиданно* завершает одно ССЦ и начинает следующее: *Татарский пробовал бороться, делая вид, что ничего на самом деле не происходит. Сначала это получалось. Тесно общаясь с другими людьми, которые тоже делали вид, что ничего не происходит, можно было на некоторое время в это поверить. Конец наступил неожиданно (В. Пелевин. Generation P).* См. также: *Следующий ролик начался в более традиционной манере. Перед большим камином, горевшим в странной зеркальной стене, сидела семья – отец, мать, дочка с киской и бабушка с недовязанным чулком (В. Пелевин. Generation P).*

Продвижение повествования в рамках этой сложной функции осуществляется, во-первых, посредством цепочки словоформ с аористическим значением, во-вторых, благодаря таксисным показателям последовательности событий – наречию *сначала* и прилагательному *следующий*. Обычно употребление таких показателей совмещается с цепочкой аористов, а глагол в перфектном значении реализует статальность лишь за счет своего лексического значения. Так, в следующем примере перфектность глаголов *перестала* и *застыла* обусловлена именно их лексической семантикой, т.е. наличием сем результативности и перехода в новое состояние; таксисные наречия *сначала* и *потом* актуализируют последовательность ситуаций, сменяющих друг друга, см.: *Девочка улыбалась сначала, потом перестала, но мучительная улыбка застыла на губах, будто от мороза (С. Василенко. Шамара).* Двойственность выделенных глаголов проявляется в том, что они, с одной стороны, называют последовательные действия, с другой – благодаря своему лексическому значению – выражают статальность.

2. Перфектные ситуации, выполняющие функцию прогресса повествования с остановкой во внутреннем мире персонажа, отличаются от предыдущей разновидности лексическим значением глаголов. В таких ситуациях используются глаголы ментального действия или состояния, глаголы восприя-

тия, речи, эмоционального состояния, такие как *понял, догадался, почувствовал, осознал, решил* и др. Синтаксические условия реализации данной функции аналогичны условиям, описанным выше (конструкции с однородными предикатами в значении аориста и обстоятельства, указывающие на последовательность событий). Перфектные глаголы со статальным значением выполняют названную функцию как в интерпозиции, так и в постпозиции по отношению к ССЦ. Приведем пример употребления перфектного глагола эмоционального состояния *захотелось* в постпозиции: *Инфернальная веселость, которой дышал голос, не оставляла сомнений в том, что говоривший и сам был не последним человеком среди этих негодяев. Татарский нервно выключил радио и взялся за ручку сцепления. Его настроение совсем ухудшилось; захотелось живого человеческого тепла* (В. Пелевин. Generation P). Глагол *ухудшилось* выражает переход в новое состояние, а глагол *захотелось* – начинательность. В то же время лексическое значение этих глаголов указывает на пребывание в новом состоянии какое-то время, т.е. на остановку повествования. Обратим внимание на то, что глаголы перехода в состояние могут выражать как «чистую» остановку повествования (в таком случае начинательность нейтрализуется), так и продвижение с остановкой при наличии дополнительных актуализаторов продвижения – цепочки аористов (в данном случае *выключил и взялся*).

Помимо использования глаголов определенных ЛСГ, перфектные ситуации, выражающие продвижение повествования с его остановкой во внутреннем мире персонажа, характеризуются контекстной сопряженностью ментальных глаголов с показателями динамики «внешней» ситуации, например формами глаголов движения, физического воздействия на объект, бытийно-локативных глаголов и др., а также наличием дейктических показателей, связывающих ментальный процесс с его субъектом. Проиллюстрируем установленные закономерности двумя примерами: (1) *Татарский мало что понял в увиденном, только подумал, что коэффициент вовлечения можно было бы сильно увеличить, заменив чисто английский слоган на смешанный: It's a Сон. Еще он почему-то вспомнил, что была такая вьетнамская деревня Сонгми...;* (2) *Стоящий на мосту танк долбанул из пушки, и одновременно Татарскому в голову пришла интересная идея – предложить людям из имидж-службы группы «Мост» силуэт танка на мосту как перспективный символ вместо их непонятного орла. За долю секунды – быстрее, чем снаряд долетел до цели – сознание Татарского взвесило возможные перспективы <...> и идея была отброшена* (В. Пелевин. Generation P).

В этих фрагментах параллельно разворачиваются два процесса: внутренний (ментальный) и внешний (физический). Ментальный процесс репрезентируется перфектными глаголами (*понял, подумал, вспомнил* и др.), физические процессы передаются видо-временными формами с разными значениями, выражающими действия других субъектов: перфектом (*окончена, нашелся*), плюсквамперфектом (*успел поста-*

реть), аористом (*отпустил, схватил, настроил*), имперфектом (*выглядел, возвращался, покрывали*). Связь между внутренним и внешним процессами реализуется в делиберативных отношениях, раскрывающих валентность ментального глагола. Эти отношения могут быть выражены эксплицитно, например изъяснительным придаточным с союзом *что*, см.: *Отведя взгляд от Татарского, он взял трубку и открыл записную книжку. Татарский понял, что аудиенция окончена* (В. Пелевин. Generation P). Или имплицитно, см.: *Татарскому в голову пришла внезапная мысль. Он отпустил планшечку, схватил карандаш, которым протыкал пробку красненького, и еле различимой скорописью настроил в углу листа: «Клип для очков Ray-Ban...»* (В. Пелевин. Generation P).

Взаимосвязь физического и ментального планов повествования также может выражаться конструкциями с придаточными определительными, например: *Дом Гиреева нашелся неожиданно легко – Татарский узнал его по саду, над которым поднимался лес неправдоподобно высоких зонтиков, похожих скорее на маленькие деревья, чем на большие сорняки* (В. Пелевин. Generation P).

Анализ приведенных примеров показывает, что использование ментальных глаголов в перфектном значении сопровождается рефлексией повествователя над сознанием персонажа. Рефлексия вызвана тем, что между событиями внутреннего и внешнего плана формируются разные отношения, требующие их сопоставления и анализа с точки зрения автора (повествователя). В связи с этим в рассматриваемых перфектных ситуациях выражаются реакции персонажа на происходящие события и действия других персонажей, эксплицируется динамика позиции персонажа от более раннего к более позднему состоянию, сопоставляются точки зрения повествователя и персонажа, репрезентируется субъективно-модальная оценка и др., например: *Одна из бесчисленных мурок, сопровождавших ее повсюду. Она наклонилась, погладила выгнутую спинку. Кошка отзывчиво мурлыкнула. И вдруг всё изменилось: оказалось, что воздух вокруг нее населен* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Помимо вышеописанных, возможны **переходные случаи** между перфектными ситуациями, выражающими динамику внешних и внутренних событий. Рассмотрим пример: *Когда небесные огни дрогнули, а со стороны социума донесся <...> всенародный вздох ужаса, в его сердце возникло одновременно два сильных чувства: обычный страх <...> и незнакомое прежде преклонение перед кем-то...* (В. Пелевин. Затворник и Шестипалый). Находящийся в интерпозиции глагол *возникло* благодаря своему лексическому значению выражает переход в новое состояние и в то же время относительную продолжительность результата (возникшие чувства), который зафиксирован конструкцией с однородными подлежащими *два сильных чувства: обычный страх перед неожиданно надвинувшейся тьмой и незнакомое прежде преклонение перед кем-то, знающим о мире больше, чем он*. Как видим, динамика процессов, происходящих в эмоциональной сфере персонажа, подана как динамика внешних процессов (в его сердце возникли чувства

= он почувствовал...): семантика глагола, употребленного в перфектном значении (*возникло*), подразумевает неактивного субъекта, поэтому сознание персонажа представлено в виде пространства, где происходят неконтролируемые процессы. Подчеркнем, что передает отмеченные смысловые нюансы именно перфектный глагол. Глаголы в значении аориста актуализируют последовательность сменяющих друг друга ситуаций, благодаря чему создается параллелизм между аористическими ситуациями внешней среды и перфектными ситуациями внутреннего пространства. Однако эти ситуации не образуют одного ряда, как однородные компоненты (ср.: *побежал, растолкал и замер*), а соотносятся между собой при помощи временной пропозиции (*когда...*), указывающей на сопоставление разноплановых ситуаций.

Перфектные ситуации, выполняющие функцию остановки повествования. Под функцией остановки повествования мы понимаем одну из разновидностей прорисовки фона, на котором поступательно развивается сюжет, т.е. фиксацию словоформой состояния персонажей или окружающей среды.

Судя по нашим наблюдениям, эта функция является типичной для словоформ и конструкций с чисто статальным значением: причастий, составных именных сказуемых, назывных предложений, глаголов НСВ в настоящем и прошедшем времени. Хотя словоформы с перфектным значением и не являются специализированным средством выражения остановки повествования, но эту функцию они выполняют достаточно регулярно при употреблении в составе семантического комплекса, формирующего статальную ситуацию. Кроме того, важную роль играет сам тип перфекта. Статально-перфектное значение эксплицируется преимущественно страдательными причастиями, нередко глаголами состояния СВ в форме прошедшего времени и деепричастиями СВ от глаголов состояния.

В типичном случае остановка повествования репрезентируется страдательным причастием прошедшего времени с нулевой связкой, например: *Татарский заметил, что к его запястьям, локтям, коленям и щиколоткам прикреплены небольшие диски из черной пластмассы. Такие же были и на его теле – всего Татарский насчитал четырнадцать* (В. Пелевин. Generation P).

Деепричастия СВ участвуют в выражении остановки повествования, если они употреблены в статально-перфектном значении и имеют определенное лексическое значение. Обычно такие деепричастия образованы от глаголов состояния и местоположения, как словоформа *свесив* из следующего фрагмента: *Уходят. А на переднем плане какой-то герой, он прощается с героиней и бежит... за своей ротой, за своим местом в строю. Или не так. Стоит эшелон... вдалеке вагоны открыты, там видно солдат, они сидят в вагонах, свесив ноги, кто-то бежит вдоль состава, но мы не видим их лиц... это солдаты А на переднем плане – герой фильма* (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно). В этом примере ярко проявляется функция остановки повествования, так как автор рисует в воображении читателя наглядную картину. Поэтому в

ССЦ использованы разные показатели статичности: глаголы НСВ в настоящем времени (*прощается, бежит* и др.), страдательное причастие с нулевой связкой (*открыты*), деепричастие СВ со статальным значением (*свесив*).

В семантический комплекс, выражающий остановку повествования, могут входить следующие показатели статальной ситуации: формы глаголов НСВ, именные предикаты и номинативные конструкции. Приведем два примера: (1) *Стыло бульонное озеро. Лежала праздная ложка. Достоинство всех английских королей, вместе взятых, заморозило Сонины лошадиные черты. – А Вы, Соня, – сказали ей (должно быть, добавили и отчество, но теперь оно уже безнадежно утрачено* (Т. Толстая. Соня); (2) *Текст был отпечатан на лазерном принтере, а подпись была синим факсимильным отпечатком* (В. Пелевин. Generation P).

В примере (1) статальная ситуация выражена прошедшим временем глагола СВ *заморозило* со значением приведения объекта в определенное состояние. «Коллективное» ментальное состояние эксплицировано страдательным причастием с нулевой связкой *утрачено*. Статальная ситуация актуализируется глаголами НСВ в имперфектном значении *стыло, лежала*. В примере (2) словоформа с перфектным значением *был отпечатан* сопряжена с глагольной связкой НСВ в составном именном сказуемом *была отпечатком*, репрезентирующим статальную ситуацию.

Судя по нашему материалу, в функции остановки повествования регулярно употребляются глаголы состояния, местоположения и перехода в состоянии. Проиллюстрируем сказанное примерами: (1) *Незнакомые места. Вечереет. Светлый воздух весь ушел вверх и повис над домами, темный – встал в подворотнях, в подъездах, в пределах улиц* (Т. Толстая. Любишь – не любишь); (2) *Столкнулся в том лифте с Лешкой Мусиным. Не узнал! Хотя колер все тот же – серый, но какой respectable оттенок! Костюм темно-серый сидит как влитой... Только вот кроткая улыбка куда-то подевалась и голос стал регистром ниже...* (Д. Рубина. На Верхней Масловке). В примере (2) отчетливо видно распределение функций нескольких словоформ в перфектном значении: отрицательный глагол с ментальным значением (*не узнал*) выражает реакцию персонажа на наблюдаемые им происходящие изменения, в то время как другие словоформы в перфектном значении выражают сами эти изменения (*подевалась, стал ниже*).

Заключение

Перфект проявляет себя как значимая единица речевой системы художественного текста, совмещающая функции сюжетообразования, упорядочивания линейного развертывания произведения, выражения связи между темпоральными и событийными планами текста. К сюжетообразующим функциям словоформ с перфектным значением относится выражение регрессивной или прогрессивной направленности повествования, а также его остановки во внешней или внутренней сфере. Конкретизация сюжетно-событийной функции перфекта в том или ином кон-

тексте определяется семантическими и структурными особенностями перфектной ситуации, в состав которой, помимо ядерной граммы с перфектным значением, входят разноуровневые контекстные актуализаторы перфектного значения. Способность перфекта выполнять сюжетобразующие функции также зависит от его расположения в ССЦ, взаимо-

действия с другими предикатами, синтаксических условий употребления, а также лексического значения перфектного глагола.

Таким образом, словоформы с перфектным значением, участвующие в репрезентации сюжетно-событийной структуры текста, оказывают влияние на кодирование и декодирование смысла художественного произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перфект – видо-временная форма глагола, выражающая действие в прошлом, результат которого релевантен для более позднего временного плана.

² Плюсquamперфект – грамматическая форма прошедшего времени (относительное время), обозначающая действие, предшествующее некоторой ситуации в прошлом.

³ Акциональный перфект – разновидность перфекта, обозначающая конкретное единичное действие, последствия которого сохраняют актуальность (например: *Он решил задачу и доволен собой*).

⁴ Экспериментальный перфект – разновидность перфекта, обозначающая наличие (или отсутствие) факта в прошлом, характеризующее состояние субъекта в данный момент (например: *Я три ночи не спал*).

⁵ Делиберативные отношения – отношения между частями сложного предложения, когда одна из частей раскрывает содержание лексемы со значением речи, мысли, восприятия или эмоций (например: *Я знаю, что он придет*).

⁶ В примерах словоформы с перфектным значением выделены полужирным шрифтом, контекстные актуализаторы перфектности подчеркнуты.

⁷ Статальный перфект – разновидность перфекта, обозначающая состояние в настоящем как результат предшествующего действия (например: *Да ты помолодела!*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Поэтика и действительность : Из наблюдений над зарубежной литературой XX в. Л. : Сов. писатель, 1975. 310 с.
2. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л. : Просвещение, 1978. 344 с.
3. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М. : Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
4. Кашкин В.Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. 128 с.
5. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. 218 с.
6. Карпунин С.А. Семантика русского глагольного вида : дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2008. 329 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 июля 2021 г.

Plot- and Event-Driven Functions of Perfect Verbs in a Fiction Text

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/468/1

Elena A. Bazhenova, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: bazhenova_e2000@mail.ru

Ekaterina E. Dymont, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: katiad@mail.ru

Keywords: text linguistics; functional grammar; perfect; perfectivity; functions of perfect verbs; plot; regression of narrative; progress of narrative; pause in narrative.

The article examines the role of Russian perfect verbs in text formation. Based on the texts of modern Russian writers (S. Vasilenko, D. Granin, E. Limonov, V. Pelevin, T. Tolstaya, V. Tokareva, L. Ulitskaya), the functions of the verb forms with perfect meaning in the plot organization of a fiction text are considered. The principal attention is paid to the analysis of the functions of 1) regression of the narrative, 2) progress of the narrative with a pause in the external environment or in the inner world of the character, 3) pause in the narrative. Narrative regression is interpreted as a reference to the past, progress as a perspective of the narrative, and pause as a fixation of the state of the environment or the internal state of the character. It has been established that these functions are realized within the framework of a perfect situation as a functional-semantic field. The nucleus of the field is a perfect verb or passive past participles; the periphery of the field is formed by multi-level language units that actualize the perfect meaning in the context. It has been revealed that the perfect situation has a complex semantic structure, in which three components are holistically represented: pre-perfect state, action, and post-perfect state. This structure allows expressing different types of links: between the temporal plans of the text, between the cause of an event and the consequent state of the event, between a mental action and the object of this action. In a fiction text, each component of syncretic perfect semantics can become a basis for the plot situation. It has been shown that plot- and event-driven functions of perfect verbs are determined by the position of the verb in the complex syntactic whole, by interaction with other predicates, by the syntactic structure, and by the lexical meaning of the verb. In particular, it has been established that the function of regression of the narrative is represented by perfect verbs as a part of complex sentences with temporal, causal, and deliberative subordinate clauses. The function of progress of the narrative with a pause in the external environment is performed by perfect verbs inside a complex syntactic whole. This function may also be realized on the border of two complex syntactic wholes. Progress of the narrative with a pause in the inner world of the character is expressed by mental verbs (*ponyal, dogadalsya, osoznal, pochuvstvoval, reshil*, etc.). A pause in the narrative is typically expressed by passive past participles. The contextual and semantic analysis of perfect situations allows concluding that perfect verbs have an impact on encoding and decoding of the meaning of the fiction text.

REFERENCES

1. Admoni, V.G. (1975) *Poetika i deystvitel'nost'*: *Iz nablyudeniy nad zarubezhnoy literaturoy XX v.* [Poetics and Reality: From Observations on Foreign Literature of the Twentieth Century]. Leningrad: Sov. pisatel'.

2. Dolinin, K.A. (1978) *Stilistika frantsuzskogo yazyka* [The stylistics of the French language]. Leningrad: Prosveshchenie.
3. Maslov, Yu.S. (2004) *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Works. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Kashkin, V.B. (1991) *Funktsional'naya tipologiya perfekta* [Functional typology of the perfect form]. Voronezh: Voronezh State University.
5. Bondarko, A.V. (1996) *Problemy grammaticheskoy semantiki i russkoy aspektologii* [Problems of grammatical semantics and Russian aspectology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Karpukhin, S.A. (2008) *Semantika russkogo glagol'nogo vida* [Semantics of the Russian verb form]. Philology Dr. Diss. Samara.

Received: 05 July 2021